

Предлагаемый читателям «СМ» очерк — из серии «Якобы об Америке», написанной после путешествия по США. Полностью читайте ее в одном из ближайших номеров журнала «Аврора».

Звонит телефон. Я снимаю трубку.

— Мишка, здорово! Голос знакомый. Из детства. Но чей — вспомнить не могу.

— Геру помнишь? — Герка!!! Боже... Ты откуда говоришь? — Из тюрьмы. — То есть как? — Очень просто. У меня хорошая камера. Две комнаты. Телефон. Телевизор. Видео.

...Герка всегда мечтал разбогатеть. Он еще в детстве умудрялся обменивать фантики леденцов на фантики «Косолапого мишки». Правда, потом его всегда били. В какие только аферы он не пытался меня втравить уже в юности. Голова его всегда была полна самых смелых, нелепых идей. Его знали все хулиганы, хотя сам он хулиганом никогда не был. Однажды он рассказал мне о плане освобождения своего отца из тюрьмы. Кажется, его отец проходил в то время по известному делу врачей.

Герка был очень толстым и настолько же добрым. Однажды, когда меня избили и я лежал в постели, он привел ко мне домой тех, кто меня избил, чтобы они извинились. Он был уверен, что мне от этого станет легче. Потом оказалось, что он им просто заплатил из тех денег, которые копил на побег отца.

После школы Герка неожиданно для всех запел. Причем сразу громко, оперным голосом. Это было время поклонения Магомаеву. Всех, кто пел похоже, приглашали на концерты, платили деньги. Петь оперным голосом было тогда выгодно, поэтому он им и запел. Герка всем рассказывал, как он учился

в Италии с Муслимом. Хотя для меня до сих пор загадка, где он научился сразу так громко петь...

Вскоре он понял, что прибыльнее петь на Севере. И уехал туда года на два. Разбогател. В каких только уголках нашей необъятной Родины он ни организовывал самые смелые халтуры с продажей собственных билетов из разрезанных пополам откупоренных за две копейки. При этом на каждой половинке, не мудрствуя лукаво, он собственной рукой писал: «1 рубль». И ставил печать, вырезанную из старого каблук очередным умельцем-левой за бутылку рижского бальзама. Когда я вспоминаю еще отечественного, неужавшего Герку, я всегда думаю: нельзя так опрометчиво заявлять, будто мы все жили в застое. Это неверно. Были умы и тревожные, и светлые, и беспокойные. Они, между прочим, и подготовили перестройку. Недаром теперь многих наградили за то же самое, за что раньше посадили...

Одним словом, я всегда знал, что Геркино будущее — тюрьма. Но никогда не предполагал, что тюрьма под Нью-Йорком и с телефоном.

На вопрос, сколько ему дали, Герка не стал отвечать. Ему не хотелось говорить о неприятном. Я могу его понять. По одним слухам, ему дали сто с чем-то лет, по другим — всего 80. За достоверность слухов не ручаюсь. Но в Америке это вполне реально. Там один закон не исключает другого и все сроки плюсоются.

Как мне объяснили, рижанин Герка со своим другом из Одессы выпустили фальшивые доллары. Причем выпустили их на краденной бумаге, а рисунок нанесли ворованной краской. Поскольку нашему человеку даже в голову не придет купить бумагу! Когда их поймали, они вдобавок ко всему превышали скорость на чужой машине в нетрезвом состоянии, и впятером про-

ехали на шесть «киричей». Одним словом, набежало!

Эмигранты любят о нем рассказывать. По приезде в Америку он пытался петь. Но здесь никого не интересовало, с кем он учился в Италии. Недолго думая, Герка с советским мышлением занялся американским бизнесом. После чего окончательно обнищал. Пытался устраивать для эмигрантов просмотры советских фильмов типа: «Свадьба в Малинов-

ке», «Зозуля с дипломом», «Битва в пути»... Но за аренду надо было платить. А на просмотры ходили пять-шесть бывших советских коммунистов из желания еще раз окунуться в свое героическое прошлое. Наконец мой добрый толстый друг на все плюнул и решил разбогатеть сразу! И по-простому!

О процессе писали американские газеты. Коренных американцев поразило: во-первых, сколько фальшивых денег выпустили наши за два дня. Во-вторых, как они это сделали. Простота, находчивость и наглость одновременно обидели и восхитили американцев.

Они выпустили фальшивые доллары на ксероксе!.. Много лет в Америке существует многоцветный ксерокс. Американцы опрометчиво думали, что на нем на-

Сов. Молодежь. - Рига. - 1990. - Набукка. - с. 4-5

Михаил ЗАДОРНОВ

ХРОМОСОМНЫЙ НАБОР

Доселе они предполагали, что это невозможно с химической точки зрения — карбюраторы будут глохнуть. Но, видать, любой наш мужик с тремя классами образования может дать в некоторых вопросах фору всей американской химической промышленности. Оказывается, просто надо знать, как разводить. Комбинация-то уже отыграна на Родине и проще не бывает. Хороший бензин надо разводить средним, средний — плохим, а плохой — уже водой...

Видимо, наш человек развит от нищеты так же, как их человек туп от сытости... Американцы не просто не любят наших эмигрантов. Они прокляли тот день, когда пригласили их к себе. Ну что же — так им и надо! А то они столько лет кричали: «Отпустите к нам своих

ет его и резко опускает в рюмку с водкой. — Зачем вы это делаете? — спрашиваю я. — Я за рулем... Чтобы не пахло. Видимо, смекалка — в генетике нашего человека. В его хромосомном наборе. Поскольку единственное, что передавалось по наследству советскими людьми из поколения в поколение — это нищета, изворотливость и энтузиазм.

Потому Америка с ее свободой бизнеса и оказалась черномозгом для нашего мышления. Нельзя вывозить из России картины именитых художников? Разве это проблема для нашего эмигранта? Догадаться приглашать самих художников. Кормить их, оплачивать суточные, делить пополам гонорар, только чтобы они рисовали прямо тут, в Америке, на эмигрантских чердаках. И многие на этом разбогатели.

Сейчас в связи с перестройкой фантазия у наших эмигрантов разыгралась окончательно. Особенно в сотрудничестве с нашими кооператорами. На Волге открываются совместные охотничьи угодья для американских миллионеров. Бедные миллионеры платят тысячи долларов за такую охоту. В то время как наши проводят их туда через дырку в заборе за бутылку, которую дают егерю.

Чего только не пытаются всучить за доллары бедным американцам наши умы! Дошли до того, что опубликовали рекламу, будто для мужской потенции особенно полезна настойка на камнях, выведенных из почек коров. И тут без дружбы с Советским Союзом никак не обойтись, потому что камни в почках образуются только у советских коров. Мне думается, что популярные ныне среди американского обывателя сувениры — кусочки разрушенной Берлинской стены — взыты из мостовых русского эмигрантского района.

Говорят, в настоящее время в ФБР создан отдел по расследованию того, что творится в русском районе Нью-Йорка.

Об этом районе уже ходят легенды во всем мире, как об одном из самых «веселых» мест на земном шаре.

Брайтон-бич... Проще Брайтон... Берег Атлантического океана... Рассказывают, что когда-то здесь жили приличные нищие негры. Из истории известно, что если куда-то приходили жить негры, то все остальные оттуда уже уходили. Это единственный случай, когда откуда-то ушли сами негры, после того как туда пришли русские. Вернее, негры не ушли, а сбежали. Наши их выжили. И нищие кварталы расцвели ресторанами, магазинами... Вспыхнули рекламы на русском: «У Римы», «Одесса», «Киев», «Русь», «Яша и сыновья»... Покатилась по набережной музыка.

«...Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой...»

ходят в Америке в золоте. В каждом ухе по слитку ценной с Днепрогос! Благо ОБХСС нет. А вечером ресторан. И веселье! Но какое! Мне кажется, чувства счастья, что они уехали из Советского Союза, многим нашим эмигрантам хватит на всю оставшуюся жизнь. Поэтому они и веселятся каждый день, будто это последний день. Вс! Завтра обрат-но в Советский Союз...

«Ямщик, не гони лошадей!...» Бывальские! Разбогатели! Свободные! На Брайтоне царит русский язык. Многие даже не учат английский. Какая-то тетя Фрида пришла в американский магазин и искренне возмутилась.

— Что такое? Мы тут уже шесть лет, а американцы по-русски не говорят? Порой создается впечатление, что не наши приехали в Америку, а Америка пришла к ним. И тетя Фрида была не так далека от правды. Американские полицейские в русском районе учат русский язык. Причем вместе с матом. Поскольку наши ругаются там, как на Родине. Полицейские думают, что это и есть русский язык.

Американские обыватели боятся Брайтон-Бича. Их пугает сверхгромкая ресторанный музыка, настораживают танцы. Им непривычно видеть раскрасневшиеся лица, уткнувшиеся на ночь в салат. Да что там обыватель! Даже американская мафия не знает, что делать с русской мафией. Ни один чикагский гангстер не приезжает в русский район. Он не знает, где оставить машину. Стоит ему на семь секунд оставить на улице свой черный «роллс-ройс», наш ему по-нашенски в эти же семь секунд гвоздем нацарапает на этом «роллс-ройсе» известные всему миру три буквы...

Недавно в очереди у американского посольства в Москве какой-то грузин закричал на чиновника:

— Почему вы нас так долго оформляете? И американского чиновника прорвало:

— А я не хочу, — закричал он на всю очередь, — чтобы вы ехали в мою страну!

И его можно понять... На Брайтоне даже сменили новые американские телефоны-автоматы на старые. Новые были созданы «во имя человека». Чтобы не подбрасывать монеты в течение разговора, не отвлекаться, усовершенствовали конструкцию. Бросаясь начальными четверть доллара, разговариваешь семь, десять, тридцать минут... Закончив говорить, вешаешь трубку. Телефон-автомат звонит. Снимаешь трубку, — тебе робот говорит, сколько еще надо опустить! Нашли дураков! Причем ладно бы наши просто уходили. Нет. Они еще должны испытать удовольствие (как говорили ранее, чувство глубокого удовлетворения) от того, что они кото-

то обьегорили хоть в мелочи. Поэтому наши все-таки снимают трубку, радостно говорят: «Поехал к черту!» И только после этого... не уходят, нет, убегают с чувством глубокого удовлетворения».

Я не случайно все время пишу «наши, наши, наши». Это действительно наши люди. Прежде всего — по хромосомному набору.

Некоторые по привычке даже празднуют 1 Мая. Многие отмечают и американские праздники, и советские. Я спрашивал, не выходят ли 1 Мая на демонстрацию? Шутки шутками, а кто-то вступил в американскую компартию. Говорят, в связи с перестройкой скоро будут переводить непосредственно из нашей в американскую, если из их партии, конечно, придет официальный запрос...

Можно изменить фамилию, имя, лицо, родину, но нельзя изменить хромосомный набор.

Самое большое количество доносов в Америке идет с Брайтона. Это хромосомный набор.

У кого-то за соседним столиком в ресторане «Русь» вспенилась открытая об стол бутылка пива. И это хромосомный набор.

Кто-то предложил купить мне выломанный приемник из машины. А хозяйка ресторана заводит меня на кухню:

— Купи пальто! Спекулировать в стране, где есть все, может только наш человек.

— За семьдесят долларов отдам!

Я вижу, что пальто стоит как минимум триста долларов. Дорогая материя. Новое...

Откуда оно? — спрашиваю я.

Она глазами показывает мне на угол кухни. Там на стуле сидит цыган. Воруя. Американцы самонадеянно думают, что они справились с проблемой воровства. Научно-исследовательские институты работали у них над решением этой проблемы. И решили. На ценниках цену стали указывать закодированными магнитными полосами. И если их не размагнитить, они зазвенят в дверях магазина. Размагнитить сам человек эти полосы не может. Надо знать код. А в кассе шуп компьютера одновременно и «снимает» цену, и размагничивает полосы. Так что у тех, кто заплатил, покупки не звенят в дверях, а звенят только у тех, кто прошел мимо кассы. Научно-исследовательские институты работали над решением этой задачи и, как им кажется, справились. Как бы не так! Наши просто отрывают ценник с магнитными полосами и выносят те товары, которые им нравятся. И всё!!

Мы — непобедимый народ! Американцы это начинают понимать. И, я думаю, они никогда не будут с нами воевать.

О том, что мы непобедимы, я понял, когда увидел, как наши покупают бананы в супермаркете. Самообслуживание. Бананы кладутся в полиэтиленовый пакет, пакет опускается на весы, весы говорящие. Говорят, сколько ты должен заплатить. И выдают чек. Вы обклеиваете этим чеком пакет и идете в кассу, где с вас и берут деньги согласно чеку. Да, так делают американцы. А наши? Наши кладут полиэтиленовый пакет на весы вместе с бананами и... приподнимают связки бананов! Тупые американские весы тут же выдают чек с ценой за вес полиэтиленового пакета. И только такой же слаборазвитый, как и его весы, американец в кассе не может понять, почему за такую кучу бананов всего несколько центов.

Конечно, среди наших эмигрантов много приличных и интеллигентных людей, уехавших по идейным соображениям, а не для того, чтобы с утра не бояться ОБХСС. Они знают английский. Среди них есть писатели, художники, врачи, бизнесмены, которых уважают коренные американцы. Есть среди них и бедные, живущие впроголодь. Но хромосомный набор нашего чело-

века виден не по ним, а по большинству из наших эмигрантов. Конечно, дети этого большинства вырастут другими. Они будут знать английский. Их влекут компьютеры и хорошие фильмы. Они вырастут американцами. Но родителей их уже не перделать. Они наши! Они плечут, когда поют русские песни. Они любят язык своего детства. Они любят наших артистов. В ресторанах они заказывают самые новые советские песни.

«...Без меня тебе, любимый мой, земля мала, как остров...»

Эмигранты любят свою Родину издали. Как сказал мне один из них: «Можно жить в любом государстве, но Родина у тебя одна...»

Даже те из эмигрантов, кто интеллигентно ругает Брайтон, кто живет среди американцев и, казалось бы, бесповоротно обамериканился, — иногда, ну хоть разок в год, а заглядывают на Брайтон. Это для него уголок Родины. Здесь ему искренне наругают, откажут в месте швейцар перед входом в ресторан, потом обшаривает официант, пошлет полицейский известным нам всем маршрутом. Но и накормят по-русски сразу и осетриной, и пельменями, и настоящим черным хлебом, привезенным родственниками.

Больше всего эмигранты просят привозить им с Родины черный хлеб...

Да, Брайтон — это часть Родины! Здесь до сих пор сидят на кухнях и до сих пор ведут задушевные разговоры генетическим полупешепотом о непорядках в России. Но здесь могут и помочь тебе, и понять тебя, как никогда не помогут, и не поймут тебя улыбочные американцы.

Брайтон — это уголок Родины.

Но больше всего эмигрантам хочется побывать на настоящей Родине. Хочется показать своим прошлым друзьям, какими они стали. Чтобы все увидели их машины — длинные-предлинные, времен тех фильмов, которые по несколько раз смотрели в юности.

Чтобы все увидели их серги, золотые-презолотые.

«...Ведь тебе теперь, любимый мой, лететь с одним крылом...»

Эмигрант — это человек с одним крылом. Огромным, размашистым, но одним.

Потому они и любят эту песню. Под нее они чувствуют свою роскошную неполноценность, богатое несовершенство, всеядное несостоявшегося счастья...

Наши эмигранты в Америке напоминают ребенка, выросшего без отца при богатой фарфуровой маме.

Герка тоже наш человек...

— К сожалению, Мишка, я не могу сегодня прийти к тебе на концерт. Я еще здесь плохо знаю тюремщиков...

Герка потерял оба крыла, но сохранил главное — чувство настырного советского оптимизма.

— Ничего страшного... Подумай, сто лет! Мне обещали, если буду хорошо себя вести, сократить срок лет на пять, а то и на десять!

Я слышу в трубке, что его торопят.

— Мне пора, — говорит он. — Обедать зовут. У меня здесь особая кухня. Ко мне здесь с уважением относятся.

Я понимаю, что, как и в детстве, он врет. Это его хромосомный набор. Наверняка он звонит из служебного помещения.

Я напоминаю ему, как он привел ко мне для извинения тех, кто меня побил. Голос Герки снижается. Он вспоминал Ригу. А может быть, и накопленные на побег отца деньги. И хоть говорят, что в Америке тюрьмы комфортабельнее наших санаториев четвертого управления... Все же это тюрьма. А доллары не фантики!

Р. С. Месяц назад я узнал, что Герку освободили. Как это произошло, никто не мог мне объяснить. Видимо, тут тоже «сыграл» хромосомный набор...

Да, Брайтон — это часть Родины! Здесь до сих пор сидят на кухнях и до сих пор ведут задушевные разговоры генетическим полупешепотом о непорядках в России. Но здесь могут и помочь тебе, и понять тебя, как никогда не помогут, и не поймут тебя улыбочные американцы.

Брайтон — это уголок Родины.

Но больше всего эмигрантам хочется побывать на настоящей Родине. Хочется показать своим прошлым друзьям, какими они стали. Чтобы все увидели их машины — длинные-предлинные, времен тех фильмов, которые по несколько раз смотрели в юности.

Чтобы все увидели их серги, золотые-презолотые.

«...Ведь тебе теперь, любимый мой, лететь с одним крылом...»

Эмигрант — это человек с одним крылом. Огромным, размашистым, но одним.

Потому они и любят эту песню. Под нее они чувствуют свою роскошную неполноценность, богатое несовершенство, всеядное несостоявшегося счастья...

Наши эмигранты в Америке напоминают ребенка, выросшего без отца при богатой фарфуровой маме.

Герка тоже наш человек...

— К сожалению, Мишка, я не могу сегодня прийти к тебе на концерт. Я еще здесь плохо знаю тюремщиков...

Герка потерял оба крыла, но сохранил главное — чувство настырного советского оптимизма.

— Ничего страшного... Подумай, сто лет! Мне обещали, если буду хорошо себя вести, сократить срок лет на пять, а то и на десять!

Я слышу в трубке, что его торопят.

— Мне пора, — говорит он. — Обедать зовут. У меня здесь особая кухня. Ко мне здесь с уважением относятся.

Я понимаю, что, как и в детстве, он врет. Это его хромосомный набор. Наверняка он звонит из служебного помещения.

Я напоминаю ему, как он привел ко мне для извинения тех, кто меня побил. Голос Герки снижается. Он вспоминал Ригу. А может быть, и накопленные на побег отца деньги. И хоть говорят, что в Америке тюрьмы комфортабельнее наших санаториев четвертого управления... Все же это тюрьма. А доллары не фантики!

Р. С. Месяц назад я узнал, что Герку освободили. Как это произошло, никто не мог мне объяснить. Видимо, тут тоже «сыграл» хромосомный набор...